

Красный форт

В Красном Форте старого Дели,
Чьи сапфиры спят на прилавках,
И смеются ветрено изумруды,
У стены глухой и великой
Почти терракотового цвета,
Где автобусы съезжаются на площадь,
С самого утра и до заката
Под шёлково-палящим солнцем
Нищая девочка с ребёнком
Встречает иностранных туристов.

Она ничего у них не просит,
Что как-то чудно и необычно,
Весела и резва в тряпье цветастом.
Но минутами взгляд её глубокий
Вдруг задумчив, хотя и без грусти,
И тогда становится серьёзным.

На руках больного ребёнка
Вечно полусонного таскает,
Вовсе, кажется, не замечая
Судорог его улыбки странной.

То к бедру прижав, а то в обнимку
Ходит с ним по площади гудящей,
Возникая то тут, то там без цели,
Радуюсь лишь тем, что жизнь встречает,
Никому не нужна в жаре столичной.

Я зашла в раскалённый автобус
И оттуда протянула ей плитку
Чуть подтаявшего шоколада,
Чтобы на меня опять взглянули
Тёмные глаза, где пламя в пепле.

Радостью такой, какую в лицах
Так нечасто отыскать возможно,
Той, которую теперь вовеки
Позабывать, наверно, не удастся,
Полыхнули они и засветились.

Обхватив поудобней ребенка,
Шоколад под худенькую руку
Сунула ему и так прижала,
Улыбаясь, тихого младенца,
Что сразу стало понятно —
Нет счастливее её на свете.

Просто так, а не за услугу,
Принимая случайный подарок,
Улыбнулась такой улыбкой,
Словно меня и раньше знала,
Будто я ей не чужая,
Постояла несколько мгновений
И снова куда-то исчезла.

Загудел тяжёлый автобус,
И стена терракотового цвета
За стеклом поплыла под солнцем мимо.
Красный Форт за спиной оставался.

Только вдруг заглох мотор — как видно,
Вышла какая-то неполадка.
И минуту мы еще стояли.

Я тогда опять к окну прильнула —
Не появится ли где-то рядом?..
Так и есть, смотрю, стоит у стёкол
(Всё же догнала, чтоб проститься),
Мне в лицо, как прежде, улыбаясь.

Навсегда прощай, уже во веки
Не увидимся больше с тобою!
Всё поплыло мимо, только помню —
Смуглая рука ещё мне машет.

В тот день у Красного Форта,
В далёких и чужих широтах
Я тогда поняла такое,
Что уже и счастья не надо, —
Жалкая, пустая затея.

Странный сон, что часто снится,
 Часто снится — ну и пусть,
 В ритме снега растворится
 Затянувшаяся грусть.

Вмиг удастся в вихре плотном
 Всё, что мучило, забыть, —
 В этом ритме мимолётном
 Своего — не различить.

Стоит
 только
 вдоль
 по скверу
 Оснеженному пройти
 И случайному размеру
 Подчиниться на пути.

Карандашный эскиз

Ранний утренний свет
 В дальней дымке тумана.
 Всадники на лошадях
 У Тихого океана.

Стелется плоский отлив
 Лёгкой прохлады лета.
 Слабо ползёт волна
 В бледных лучах рассвета.

Ветра почти что нет.
 Крика чаек не слышно.
 Лошади сбившись стоят
 Долго и неподвижно.

Скалы в холодной воде.
Влага дюны широкой.
Этот застывший миг
Звуком чужим не трогай.

Ночной звонок

«Золотой блесне» Игоря Шкляревского

Игорь Шкляревский, моя драгоценность,
Что нам времён ускользящих бренность,
Если бессонным звонком
Тронута ночи неприкосновенность
В тёмном квартале пустом.

Свист с высоты повелительной плётки...
Между страниц перерыв твой короткий.
Я — собеседник и вор.
В звёздной раскачивающейся лодке
Звёздный течёт разговор.

Час сораспятья над сонной Москвою.
Тяжко ли прозу тянуть бичевою
Снова утра до пяти?..
Над леденеющей тусклой водою
Селезнем сизым лети!

Повесть еще до конца не допета.
Медленно тлеет твоя сигарета...
Чая холодный глоток...
Слух твой во сне изнемог.

Отдых твой поберегу до рассвета
И отложу свой звонок.

Ночи королева, томная улитка, —
Ты ползёшь лениво, наподобье свитка.

Арфа паутины на крыльце у дома.
Музыки не слышно. Но она знакома.

Леса храм высокий. Тёмен под луною.
Звука нет в округе. Нет дневного зноя.

Только сон покаты травмами у входа,
Тишиной парящий в небе до восхода.

Всё луне покорно. Звёзды, как из сита.
Спят цветы ночные, серебром повиты.

Здесь и ты — дыханье лунного напева.
Королева ночи... ночи королева...

Флейты Пелопоннеса

О, эти спасительные разговоры о погоде,
Когда жара захлестнула наши отдельные континенты...
Я вдруг позвонила сквозь материки и страны,
И голос растерянный твой у виска вплотную...

Да я и без этого знала, что нет пространства,
Давно поняла, что и времени тоже нету.
Лишь фразы, легко сквозь эфир залетевшие в трубку,
Почти ни о чем и от главного ускользя.

Но ты аналитик и жестко мне так ответишь:

— Пространство и время? Что в них ты,
болтушка, смыслишь?

— Да, смыслю, — скажу, — и побольше,
чем вся твоя братья,

Погрязшая в опытах лабораторий пыльных.

— Когда улетел ты на свой материк обратно,
Оставив одних меня и пустой Джорджтаун,
То время споткнулось, мгновенно остановившись,
И вспять повернуло, пространства громаду руша.

Во влажном огне отдельные полушарья,
И дни на моём — с твоими не совпадают.
Но Силы над всем единое повеленье
В расчёт не берет Науки твоей законы.

Но ты мне ответишь: — Глупости всё и бредни,
Чем чушь городить, опять занялась бы делом.
Ходи на работу, стихи сочиняй, покупкой
Себя развлеки в сверкающем шумном молле.

Резонный совет, и я бы сказала: мудрый.
Я серьги заметила как-то в витринах «Гэпа».
Куплю. Улыбнусь, положу на ладонь, любуясь,
Тем взглядом, который живёт на античных стелах.

Матрона на них, как всегда, со служанкой верной
Шкатулки любимой разглядывают украшения.
И в мраморной дымке сквозят тишина и нежность
С задумчивостью, в которой воспоминанья*.

Догадка о грусти едва дуновеньем веет.
Вот так же и я взгляну на свою покупку.
И музыка флейт коринфских с Пелопоннеса
Возникнет, как ты велел, в многолюдном молле.

А после опять, хоть глупости всё и бредни,
Нырну в тупики джорджтаунских переулков,
Где бродит двойник твоей ускользнувшей тени,
И строчки о том запишу, чтоб не канули в бездну...

* Имеется в виду шедевр античной пластики — надгробная стела Гегесо.